

ПРОЦЕССЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ НА СЕВЕРЕ ЕВРОПЫ И ПРОГРАММА «СЕВЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ» В ОТРАЖЕНИИ РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В. А. Колосов^{а, б}

А. Б. Себенцов^а

^а Институт географии РАН,
119017, Россия, Москва, Старомонетный пер., 29.

^б Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 30.08.2019 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2019-4-5

© Колосов В.А., Себенцов А.Б., 2019

Ход и устойчивость процессов формирования трансграничных регионов — актуальная тема для России, граничащей с 16 зарубежными странами. В начале 2000-х годов эти процессы особенно активно протекали на Северо-Западе Европы при участии России. Трансграничные районы возникают как «естественным путем», на основе разнообразных связей, так и в результате политических решений. В этом случае одним из важных факторов успешного регионального строительства становится политический дискурс. Программа «Северное измерение» (СИ), запущенная в 1997 году, была задумана как воплощение принципов деполитизированного сотрудничества — европейского «нового регионализма». Цель статьи — оценка Программы СИ в федеральном и региональном политическом дискурсе 1997—2016 годов, ее места среди других проектов трансграничного сотрудничества, изменений в понимании ее задач. Данные информационного агентства «Интегрум» послужили информационной базой исследования, содержащей наиболее полные электронные архивы федеральных и региональных печатных и электронных СМИ. Дискурс о Программе СИ в федеральных СМИ отражал сложный комплекс отношений между Россией и ЕС. Представление о нынешнем кризисе Программы порождено несоответствием между сформированными дискурсом ожиданиями и результатами сотрудничества. Показаны изменения в дискурсе о Программе СИ почти за 20 лет и глубокие различия между федеральным и региональным дискурсами.

Ключевые слова:

наднациональные регионы, Россия, ЕС, Программа «Северное измерение», политический дискурс

Введение

Одной из основных идей, пронизывающих работы Г.М. Федорова, его учеников и последователей, стало представление о формировании международных регионов разного уровня (регионализации) как проявлении глобализации [1; 2]. Простран-

Для цитирования: Колосов В. А., Себенцов А. Б. Процессы регионализации на Севере Европы и программа «Северное измерение» в отражении российского политического дискурса // Балтийский регион. Т. 11, № 4. С. 76–92. doi: 10.5922/2079-8555-2019-4-5.

ство глобального мира состоит из совокупности регионов, формирование которых стало ответом на вызовы международной конкуренции, требующей укрупнения рынков, трансграничной кооперации и новых подходов к территориальной организации хозяйства. Необходимость сопряжения усилий по решению назревших трансграничных проблем, масштабы которых превосходят возможности отдельных государств, также стимулировала процессы регионализации.

Анализ регионализации приобрел для российских ученых-обществоведов высокую актуальность. Россия — самая крупная по территории страна, протяженность только сухопутных границ которой составляет более 22 тыс. км, она имеет и наибольшее в мире число государств-соседей (с учетом признания независимости Абхазии и Южной Осетии — 16). Вполне естественно, что на межгосударственном уровне Российская Федерация вовлечена в деятельность многих региональных организаций. Особенно активно формировались трансграничные регионы в Европе. Участие в этих процессах — важная часть отношений России как с ЕС в целом, так и с отдельными его членами. На Северо-Западе Европы РФ и ее регионы — участники ряда международных организаций: Совета Баренц-Евроарктического региона (СБЕР), Совета государств Балтийского моря (СГБМ), Арктического совета, Совета министров Северных стран (СМСС), программы «Северное измерение» (СИ). Ареалы их деятельности накладываются друг на друга, а сферы широко пересекаются. Региональные проекты с участием России и в Москве, и в европейских столицах первоначально рассматривали как деполитизированное сотрудничество, построенное на базе «общих интересов».

Европейская практика регионализации была основана на «мягкой силе» [3] и известном принципе облегчения пограничных формальностей на внутренних границах при резком усилении барьерных функций на внешних, что глубоко противоречило процессам регионализации, включавшим третьи страны. В политической географии это противоречие интерпретировалось как «ретерриториализация», т.е. дифференциация функций политических и социально-культурных границ на разных пространственных уровнях в соответствии с определенными критериями: идентичностью, разделением соседей на друзей, партнеров и геополитических соперников, эгоистическими экономическими интересами, обеспечением безопасности [4; 5]. Такому пониманию регионализации противопоставляли «новый регионализм», опирающийся на четкую нормативную и институциональную основу, многостороннее и взаимовыгодное сотрудничество (co-development).

Важнейший принцип «нового регионализма» — децентрализация компетенций (multilevel governance), подразумевающая передачу всех возможных полномочий от центральных властей на субнациональный и наднациональный уровни. Предполагается, что применение этого принципа значительно расширяет круг участников сотрудничества, который включает международные финансовые и неправительственные организации, партнерства, правительственные учреждения стран-членов, региональные администрации, неправительственные организации и др. При этом повестка дня распределяется в созданной системе акторов таким образом, что каждый ее элемент соответствует компетенции институтов того или иного уровня. Кроме того, если каждый из акторов реализует сравнительно узкий набор функций, то в совокупности они могут развивать достаточный потенциал взаимодействия для сглаживания межстрановых противоречий, сохраняя дух сотрудничества даже в ситуации политической конфронтации [6]. Невозможность договориться по какому-либо вопросу не становится препятствием для решений по другим пунктам повестки дня, распределенной между множеством акторов, чем достигается относительная автономия региональной организации от «высокой политики» [7].

Программа «Северное измерение», существующая уже более двух десятилетий, была призвана стать инновационным форматом сотрудничества — воплощением европейского «нового регионализма». Эта инициатива занимает особое место среди программ регионального сотрудничества между Россией и странами ЕС. В научном дискурсе СИ рассматривалось на определенных этапах в качестве успешной модели, которую можно было бы перенести на весь комплекс отношений между Россией и Евросоюзом. В то же время и неудачи программы не раз признавались типичными, т.е. детерминированными общими проблемами взаимодействия с ЕС.

Подходы к анализу регионализации в общественной географии

Традиционный для общественной географии подход к оценке хода и результатов регионализации — функциональный: изучение интенсивности и структуры разнообразных связей между различными акторами. Этот подход успешно применялся Г. М. Федоровым и учеными его научной школы, исследовавшими процессы трансграничной регионализации на основе статистики внешней торговли, инвестиций, соглашений между разного рода партнерами. Предложена «таксономия» когерентных (внутренне связанных) трансграничных регионов [1]. Функциональный подход использовали для выявления «неформальных», т.е. не закрепленных какими-либо политическими и юридическими актами регионов многие зарубежные ученые (см., напр. [8]).

Существуют и иные подходы к изучению регионализации — например, институциональный, нацеленный на анализ внутренней организации и «связности» региональных ассоциаций, и геополитический. Одна из его задач — изучение состава, конфигурации и динамичных рубежей наднациональных регионов, зависящих от интересов партнеров и соотношения их политических и экономических потенциалов, сдвигов в режиме и функциях внутренних и внешних границ, соотношения регионообразования с интенсивностью приграничного сотрудничества. Геополитический подход направлен также на исследование путей и способов формирования трансграничных регионов.

Опыт показал, что процессы регионализации развиваются не только в силу «объективных» причин — иными словами, складываются из взаимодействий многих акторов, руководствующихся своими экономическими или политическими интересами, возникающими в том числе под влиянием культурной, исторической, языковой и конфессиональной общности. Регионализация может быть «запущена сверху» — инициирована политическими решениями, а уже под эти решения подыскивают экономические, культурные и иные основания. В интерпретации противоречивой истории двух- или многосторонних отношений делается акцент на периодах успешного взаимодействия между партнерами.

В изучении регионализации «сверху» эффективна концепция критической геополитики, рассматривающей создание этих смыслов в процессе общественной практики и в ходе политического дискурса. «Регионы, как и идентичность, не задаются раз и навсегда: они конструируются и меняются», — писала профессор Оксфордского университета Л. Фоусетт [9, р. 26]. Ключевую роль в успешном региональном строительстве играют территориальные идентичности, также трансформируемые геополитическим дискурсом и общественной практикой [10].

Под геополитическим дискурсом понимается дискурсивная практика, в ходе которой вопросы международных отношений ассоциируются с определенными этнокультурными общностями, точками, ареалами и другими элементами политического пространства, происходившими там историческими событиями [11]. Концепции и смыслы, лежащие в основе внешнеполитических акций, определяются

взаимодействием между дискурсами, инициируемыми и развиваемыми разными политическими силами и социальными группами. Их возможности повлиять на результаты такого взаимодействия различны и зависят от властных отношений, политических и социально-культурных ресурсов разных групп и общественной практики [12]. Формирующееся в ходе дискурса воображаемое политическое пространство становится важнее пространства реального. В научной литературе не раз показано, что его мифологизация часто становится причиной острых противоречий между отдельными странами и регионами [13–15].

Анализ элементов дискурса, содержащихся в заявлениях, речах и интервью лидеров, публикациях экспертов, материалах электронных и печатных СМИ, а также в художественных произведениях, кино, рекламе, карикатурах, в том числе используемого в них языка, помогает понять этот процесс, соотнести его с политической практикой [16], общественным мнением и представлениями разных социальных групп, отражающимися в социологических опросах [17]. В результате развития средств коммуникации внешнеполитическая деятельность и в целом геополитическое видение мира правящими кругами во все большей степени нуждаются в легитимизации в глазах общественного мнения, что также является задачей политического дискурса.

Цель настоящей работы — оценка СИ как одного из модельных направлений трансграничного сотрудничества в федеральном и региональном дискурсе. Насколько важен этот формат сотрудничества для России и граничащих с Европой регионов Северо-Запада? Какое место занимает СИ в ряду других проектов трансграничного сотрудничества? Как менялись, а самое главное, как понимались цели и задачи проекта? Ответ на эти вопросы существенен для оценки перспектив СИ и возможности его активизации в современных условиях.

Методика исследования

Работа основана на количественном и качественном анализе российского дискурса о СИ в 1997–2016 годах. Данные информационного агентства «Интегрум» составили информационную базу исследования, которая содержит наиболее полные электронные архивы федеральных и региональных печатных и электронных СМИ.

Федеральные СМИ обычно концентрируются на освещении наиболее значимых событий. Для более детального анализа нами были отобраны пять общественно-политических изданий, нацеленных на различные группы российского общества. «Независимая газета» («НГ») позиционирует себя как «качественная» «газету независимых мнений», достаточно полно освещающая отношения России с внешним миром. «Российская газета» («РГ») — официальный орган российского правительства. «Завтра» представляет «национально-патриотическую» часть политического спектра. «Советская Россия» известна как неофициальное издание КПРФ. «Новая газета» критикует внутреннюю и внешнюю политику властей с либеральных и европейских позиций.

Региональные СМИ обычно уделяют мало внимания внешней политике и сфокусированы только на тех аспектах внешних политических и экономических связей, которые имеют прямое отношение к местным проблемам. Для изучения региональных дискурсов использованы материалы наиболее популярных печатных СМИ регионов Северо-Западного федерального округа, отобранных на основе рейтингов компании «Медиалогия». Недостаточная полнота электронных архивов ряда региональных газет привела к необходимости дополнить собранную базу данных материалами других региональных СМИ, в том числе и региональных информационных агентств.

Для количественных оценок использован сервис «Сравнительная упоминаемость» базы «Интегрум». Расчет упоминаемости проведен для всего массива федеральных СМИ (201 издание), «Независимой газеты», а также 19 региональных СМИ Северо-Запада. Это позволило установить долю документов, в которых упомянут исследуемый объект, в общем числе документов, содержащихся в «Интегруме» за каждый год. Документы учитывались только один раз вне зависимости от числа упоминаний в них искомых слов. В статьях «НГ» и «РГ», в которых было упомянуто СИ, учтено число, контекст и тональность упоминаний отдельных стран.

«Северное измерение» как инновационный формат сотрудничества

Инициатива СИ была выдвинута премьер-министром Финляндии Пааво Липпоненом в сентябре 1997 года и призвана стать «неотъемлемой частью отношений ЕС с Россией и другими странами региона». В июне 2000 года Европейский совет принял первый «План действий для СИ во внешней и трансграничной политике Европейского союза на 2001 — 2003 гг.», который предусматривал совместные меры по развитию инфраструктуры, образования и науки, здравоохранения, приграничного сотрудничества и торговли, охране окружающей среды, обеспечению ядерной безопасности и борьбе с трансграничной преступностью. Однако согласование конкретных проектов оказалось непосильной задачей для обеих сторон. Россию не устраивал формат взаимодействий с ЕС: она представляла объектом политики ЕС и была ограничена в праве формировать общую повестку дня [18—21]. Практически единственным существенным достижением начального этапа программы стало создание в 2001 году Природоохранного партнерства «Северного измерения» (ПОПСИ) — наиболее известного из существующих сегодня его институтов.

Второй План действий, одобренный в 2003 году, был нацелен на конкретизацию заявленных ранее направлений взаимодействия: были выделены пять областей сотрудничества (экономика, человеческий капитал, окружающая среда, приграничное сотрудничество, безопасность и правосудие), определены перспективные проекты, выделены две особые территории сотрудничества — Арктика и Калининградская область. Однако большинство российских предложений не было принято, поэтому Россия фактически не участвовала в его реализации. В 2003 году было создано Партнерство в области здравоохранения и социального благополучия, которое сосредоточилось, в частности, на сотрудничестве в борьбе с опасными инфекционными заболеваниями.

В 2006 году формат программы по финской инициативе и при поддержке российской стороны коренным образом изменился. СИ превратилось из политики ЕС на Севере Европы в совместную политику Европейского союза, России, Норвегии и Исландии. Россия выразила готовность принять участие в финансировании программы, что позволило сделать сотрудничество равноправным. Были созданы новые партнерства: в 2009 году — в области транспорта и логистики, в 2010-м — в области культуры.

Тем не менее активное институциональное строительство и использование передового европейского опыта не привели к прорыву в сотрудничестве в рамках СИ. Во многих работах это объясняется отсутствием единых механизмов финансирования и управления программой. Изначально предполагалась, что при реализации программы будут применены уже существующие финансовые инструменты (TACIS, PHARE, INTERREG, SAPARD, ENPI и др.) [22]. На деле же использовалось преимущественно кредитное финансирование по линии Европейского банка реконструкции и развития, Северного инвестиционного банка, Северной экологической финансовой корпорации.

Вторая часто отмечаемая проблема — дублирование форматов сотрудничества на Севере Европы (СГБМ, СБЕР, Арктический совет, СМСС). Согласно первоначальному замыслу СИ должно было создать «добавленную стоимость» в рамках этих форматов, за которыми формально была закреплена роль акторов в рамках данной программы. Однако в реальности СИ в известной мере конкурировала с ними [21], превращаясь в своего рода «зонтик, под который искусственно вставлялись уже реализуемые в рамках других форматов проекты». [23] В результате власти приграничных регионов Северо-Запада более активно участвовали в работе тех институтов сотрудничества, которые получили надежный источник финансирования в виде программ соседства.

Третьей проблемой стала избыточная сфокусированность СИ на России, что вызывало недовольство стран Балтии и Польши [21]. Они лоббировали появление чисто европейского инструмента, который работал бы прежде всего на поддержку инициатив новых членов ЕС. В 2009 году таким инструментом стала Стратегия ЕС для региона Балтийского моря (СРБМ), которая рассматривалась ими как долгожданная возможность вывести Россию за скобки при решении «внутриевропейских вопросов» на Балтике [24]. При этом СИ все чаще воспринималась странами Балтии как своего рода внешняя опора этой стратегии, что не устраивало как российскую, так и финскую стороны [25].

Осознание накопленных проблем позволяло оценить сложившееся положение дел в СИ как кризисное [26]. После событий 2014 года ситуация стала еще сложнее. Хотя санкции ЕС против России сравнительно мало коснулись регионального и приграничного сотрудничества, из-за позиции стран Балтии не возобновлены регулярные встречи министров иностранных дел стран-участниц СИ, из-за чего заметно сузились возможности стратегического планирования и разработки перспектив программы. Ограничены возможности финансирования входящих в нее проектов международными институтами. Переговоры с партнерами протекают трудно. Имеются сложности и в координации действий между российскими участниками: задача МИДа — обеспечить политические условия сотрудничества, но сами проекты должны быть предложены и реализованы экспертами соответствующих ведомств, которые не всегда проявляют в этом заинтересованность.

Тем не менее программа действует и приносит конкретные плоды. Принято решение о том, что российские средства, ассигнованные на участие в СИ, тратятся на территории России. Почти все проекты ПОПСИ реализованы в России и были направлены на охрану бассейна Балтийского моря путем строительства и реконструкции очистных сооружений и их элементов в крупнейших городах Северо-Запада: Сыктывкаре, Мурманске, Вологде, Новгороде, Калининграде и др. Самые крупные проекты осуществлены в Санкт-Петербурге и Ленинградской области (Юго-Западные очистные сооружения, комплекс защитных сооружений от наводнений и др.). Довольно успешно идет сотрудничество в Партнерстве в области здравоохранения и социального благополучия и в Партнерстве в области культуры. Таким образом, налицо несовпадение между результатами сотрудничества и сложившимся в СМИ негативным имиджем СИ.

Федеральный дискурс: национальные интересы и «европейские ценности»

Характерные особенности и структура федерального медиадискурса о СИ во многом вытекают из наиболее существенных черт программы. Поскольку СИ — лишь одно из проявлений сложного комплекса отношений России и ЕС, оно рассматривается прежде всего в контексте общих отношений с Европейским союзом и имеет низкие показатели упоминаемости (рис.).

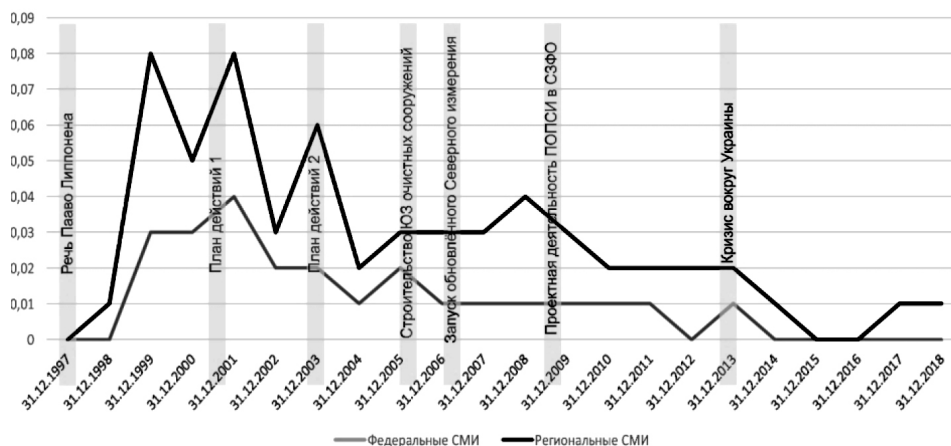

Рис. Относительная упоминаемость политики СИ в федеральной и региональной прессе, %

Другая особенность дискурса состоит в его относительно невысокой политизированности. Поэтому традиционное членение дискурса на коммунистический, национал-патриотический, либеральный и официальный в случае СИ выражено слабо. Программа упоминается лишь в нескольких статьях «Новой газеты» и «Советской России» и вообще не отражена в «национал-патриотической» «Завтра». Эти издания изначально ориентированы на хорошо известные для широкого читателя сюжеты. В «РГ» и «НГ» проекту уделялось куда больше внимания: соответственно 47 и 36 статей. «Российская газета» подавала информацию о СИ в формате репортажей с официальных мероприятий или интервью с официальными лицами. В «НГ» наряду с репортажами и интервью были помещены статьи экспертов, но дискурс большей частью совпадал с официальным, представленным в «РГ».

Изменение числа упоминаний о СИ в федеральной прессе коррелировало с основными этапами и событиями-«маркерами» в развитии проекта. На первом этапе, с 1997 по 2005 год включительно, когда СИ представляло собой политику ЕС на Севере Европы, можно выделить три таких события: запуск проекта в 1997 году, принятие первого (2000) и второго (2003) планов действий. На этот период пришелся пик интереса к СИ.

Второй этап (с 2005 года по настоящее время) связан с запуском «обновленного» СИ, ставшего общей программой России, ЕС, Норвегии и Исландии для Севера Европы. На этом этапе единственным значительным событием-«маркером» стало подписание Рамочного документа и Политической декларации в 2006 году. Интерес к проекту постепенно снижался (рис.).

Дискурсивные события и их меняющийся контекст создавали две основные сюжетные линии репрезентации и интерпретации СИ. Главная из них основывалась на широкой трактовке целей и задач программы, которая первоначально представлялась как проект полномасштабного сотрудничества между Россией и ЕС. В ее рамках СИ виделась одновременно и в контексте отношений России и ЕС, и как «инновационная альтернатива» им. В рамках другой сюжетной линии СИ рассматривалась как частный формат сотрудничества, позволяющий решать различные вопросы субрегионального уровня на Севере Европы и в сопредельных ей регионах Северо-Запада России.

На первом этапе главная сюжетная линия доминировала и в официальном, и в медиадискурсе особенно заметно. При этом цели проекта воспринимались в фе-

деральной прессе с позиций его значения для России: СИ направлено на «развитие экономических отношений с Россией прежде всего в области инфраструктуры, энергетики, экологии»¹. Несомненные достоинства нового формата виделись в его ориентированности на конкретный результат и в проектном подходе, что позволяло рассматривать СИ в качестве альтернативы сложившейся практике сотрудничества, зависимой от геополитической конъюнктуры, вне связи с обсуждением соответствия России «европейским ценностям» и «стандартам» демократии. Укрепление экономических основ интеграции с Европейским союзом позволяло надеяться на появление у СИ и политической составляющей².

Территориальная ограниченность программы Севером Европы и российским Северо-Западом не противоречила ее интерпретации в качестве канала широкоформатного диалога с ЕС. Наоборот, подчеркивалась историческая роль Северо-Запада России, который вновь должен был выполнить функцию «окна в Европу»³ в условиях, когда отношения с «ближайшими соседями в Восточной Европе — Украиной, Польшей и прибалтийскими государствами — складывались весьма противоречиво»⁴. Среди одиннадцати регионов Северо-Запада в контексте СИ наиболее часто упоминались Карелия и Калининградская область (свыше 70 % упоминаний российских территорий, вовлеченных в сотрудничество). Первый регион рассматривался как «калитка в Европу» и территория, важная для сотрудничества с Финляндией, второй — как потенциальная «лаборатория сотрудничества» между Россией и ЕС. На Санкт-Петербург приходилось не более 15 % упоминаний. В результате СИ представляла своего рода «новым Ганзейским союзом», который должен был сыграть «роль инструмента развития всего Северо-Запада»⁵ страны, способствуя более глубокой интеграции России с Европейским союзом.

В структуре дискурса о СИ важное значение имели и соседние страны Северной Европы (40 % упоминаний зарубежных территорий, вовлеченных в сотрудничество). При этом преимущественно позитивная оценка их вклада в сотрудничество определялась, во-первых, высоким уровнем жизни и специфической моделью социально-экономической организации общества, которая во многом считалась в России образцовой, во-вторых, приписываемой им ролью источника инноваций для модернизации России⁶, в-третьих, имиджем потенциального инвестора в экономику Северо-Западного и Арктического регионов России⁷ и потребителя их продукции. Наиболее заметной фигурой в дискурсе была Финляндия — непосредственный инициатор проекта, главный проводник для России «на пути в Европу». «Надежность» этого проводника объяснялась позитивным опытом деполитизированных контактов в советское время и ролью «эксперта по России», которую Финляндия могла бы играть в ЕС.

Однако с самого начала позитивные оценки программы соседствовали с резко критическими. Основой такой критики стала извечная двойственность отношений с Европой, что иллюстрировалось актуальной в те годы повесткой дня — бомбар-

¹ Десять лет не прошли даром // Независимая газета. 2003. № 195.

² Ветры перемен на Севере Европы // Независимая газета. 2001. № 5.

³ Партнерство с Финляндией открывает нам еще одно «окно в Европу» // Независимая газета. 2001. № 86.

⁴ Ветры перемен на Севере Европы // Независимая газета. 2001. № 5.

⁵ Страны Балтии нуждаются в России // Независимая газета. 2003. № 157.

⁶ Партнерство с Финляндией открывает нам еще одно «окно в Европу» // Независимая газета. 2001. № 86.

⁷ Опыт Севера // Независимая газета. 2001. № 44.

дивовками Югославии, поддержкой сепаратизма в Чечне, трудностями в ведении энергодиалога. Это определило и центральную идею критических материалов — недоверие декларируемым целям и задачам СИ. Серьезные опасения вызывала возможность полной или частичной утраты российского суверенитета над отдельными территориями Северо-Запада, которые в результате реализации программы потенциально все больше ориентировались бы на соседние страны ЕС. Некоторые критики СИ предполагали ослабление связей регионов с федеральным центром, что в дальней перспективе поставило бы под угрозу территориальную целостность страны⁸. Другие считали возможным выдвигание прямых территориальных претензий к России или же активизацию сепаратизма в отдельных регионах Северо-Запада. Так, «карельский вопрос» стал темой первой же статьи, посвященной СИ в «НГ»⁹. Предполагалось также, что на первых порах СИ могло способствовать созданию «в приграничной полосе некоей достаточно благополучной буферной зоны», которая в перспективе может получить статус «самоуправляемой территории по типу Аландских островов». В таком контексте даже совместный с Финляндией проект по созданию земельного кадастра Карелии представал подготовкой ее возможной аннексии¹⁰. В случае Калининграда СИ также впервые упоминалось в связи с опасениями утраты российского суверенитета над этой территорией¹¹.

Другим направлением критики было отсутствие конкретных результатов. На страницах газет вначале это объяснялось, во-первых, несопадением интересов ключевых участников по большинству составляющих проекта (см. табл. 1), а во-вторых, противодействием стран Балтии и Польши, готовившихся к вступлению в ЕС. Констатировалось, что даже по ключевой для всех участников программы энергетической тематике сотрудничество практически не двигалось. Освоение нефтегазовых месторождений упиралось в отсутствие европейских инвесторов, а проекты по развитию транспортной инфраструктуры (прежде всего Северо-европейский газопровод) не находили поддержки части членов ЕС¹².

К началу 2002 года в преддверии принятия второго Плана действий причины неудач СИ усматривали уже не в частных вопросах технического характера, а в фундаментальных основах отношений между Россией и ЕС. Во-первых, отмечалась возрастающая зависимость программы от политических претензий. Некоторые из них граничили с вмешательством во внутренние дела России. Так, «чеченский фактор» был «рычагом давления на переговорах с Москвой не только по экономическому будущему Калининградской области, но и превратился в препятствие для реализации СИ»¹³. Само же оно все меньше отличалось от других форматов отношений с ЕС, которые «внешне похожи на розы, на ощупь — шипы». Поэтому СИ «понежго затухало, сводясь все более к решению локальных экологических проблем»¹⁴.

Во-вторых, эксперты выражали беспокойство тем, что «результаты этой инициативы гораздо слабее, чем ожидалось»¹⁵. Отсутствие конкретных организацион-

⁸ Из Абердина видно лучше // Независимая газета. 1999. № 4.

⁹ Приладожье — земля раздора // Независимая газета. 1998. № 19.

¹⁰ По шкале Северного измерения // Независимая газета. 1999. № 77.

¹¹ См. например: Калининград интегрируют в ЕС // Независимая газета. 2001. № 29; Евронат на Калининград // Независимая газета. 2001. № 12.

¹² Где ляжет труба «Газпрома»? // Российская газета. 1999. № 249.

¹³ Дания играет с огнем? // Российская газета. 2002. № 205.

¹⁴ Нам мягко стелют, да жестко спать // Независимая газета. 2002. № 213.

¹⁵ Северное измерение нам поможет // Независимая газета. 2003. № 27.

ных и финансовых механизмов реализации намеченных планов приводило к тому, что «особого практического движения в рамках СИ не наблюдалось, и этот термин оставался больше политическим лозунгом, нежели руководством к действию»¹⁶.

На втором этапе СИ все больше представляло в качестве одного из элементов субрегионального сотрудничества на Севере Европы, прежде всего в Баренцевом регионе и регионе Балтийского моря. Эта тенденция наиболее заметна в «РГ», где почти половина статей этого периода посвящена частным проблемам: организации и финансированию партнерств, реализации наиболее успешных проектов¹⁷. Наблюдается «регионализация» дискурса: много статей посвящено строительству очистных сооружений в городах бассейна Балтийского моря (Санкт-Петербурге, Калининграде, Пскове и Вологде)¹⁸; «атомным» проектам в бассейне Баренцева моря. Новая репрезентация программы как субрегиональной объясняет общее снижение числа статей, полностью или частично посвященных СИ. В «НГ» обновленное СИ также рассматривалось как несомненный успех. Однако отмечалось, что превращение в региональную проекцию четырех общих с ЕС пространств придало СИ новый статус, но не сформировало для него стратегическую перспективу и конкретную повестку дня. Неопределенность конечных целей «дорожных карт» по формированию общих пространств сделала их своего рода инвентарным списком возможных направлений сотрудничества¹⁹.

Другим важным вопросом оставалась роль «ценностного фактора» в отношениях между Россией и ЕС²⁰. «Общие ценности» были одной из основных тем диалога между Москвой и Брюсселем, в отличие от двустороннего диалога между Россией и отдельными странами ЕС. Большинство авторов признавало, что трактовка в России прав и свобод граждан действительно давала Евросоюзу много поводов для разочарования. СИ — один из немногих форматов сотрудничества, где дискуссия о ценностях почти не поднималась, однако это не значило, что эта дискуссия на него не влияла. В результате ни статус СИ, ни равноправие партнеров не позволяли обсуждать любые значимые вопросы в обход дискуссии о ценностях²¹.

Под действием «дискуссии о ценностях» негативные коннотации в дискурсе затронули гораздо более широкий круг стран, чем в предыдущем периоде. Швеция вместе с Литвой стали рассматриваться прежде всего в качестве стран, инициировавших проект «Восточное партнерство», расценивавшийся как враждебный для России²². Именно Швеция особенно часто поднимала вопрос о соответствии России «европейским ценностям». Негатив преобладал и в отношении Норвегии, которая из «оплота северных ценностей» превратилась в дискурсе в «оплот США в Арктике»²³.

¹⁶ *Интересы России на Севере Европы: в чем они?* // Независимая газета. 2001. № 5.

¹⁷ *Тепло приходит с Севера* // Российская газета. 2011. № 123; *Дружба на бескрайнем Севере* // Российская газета. 2011. № 280; *Свежий ветер с Балтики* // Российская газета. 2013. № 75; *Балтийские эмоции* // Российская газета. 2013. № 122.

¹⁸ См., напр.: *Грант в воду* // Российская газета. 2008. № 158; *Шаг из замкнутого круга* // Российская газета. 2014. № 74; *До нас наследили — нам прибирать* // Российская газета. 2015. № 246.

¹⁹ *Без стратегического видения* // Независимая газета. 2006. № 270.

²⁰ Дискуссия о специфических «северных ценностях» практически не поднималась в прессе, однако широко обсуждалась в научном сообществе (подробнее см. [27]).

²¹ *Россию пытаются удержать в «ценностном» поле* // Независимая газета. 2008. № 77.

²² См., напр.: *Меню шведского стола* // Независимая газета. 2009. № 129; *Шведский сезон в ЕС* // Независимая газета. 2009. № 132.

²³ См. напр.: *Северный раздор* // Независимая газета. 2011. № 215.

В то же время по-прежнему позитивно трактовалась роль Финляндии как партнера, стремившегося сохранить прагматичное сотрудничество с Россией даже в условиях геополитических катаклизмов. Именно Финляндия, по мнению авторов «РГ», сумев преодолеть негативный исторический опыт контактов с СССР, способна донести до всех европейских стран идею выгоды деполитизированного сотрудничества с Россией²⁴.

Обсуждение СИ в общем контексте отношений России с ЕС, Финляндией и другими европейскими странами составляло главное отличие федерального дискурса от регионального.

Региональный дискурс о «Северном измерении»

В дискурсе СМИ Северо-Запада в отличие от многих других внешнеполитических сюжетов СИ уделялось немало внимания. Вполне естественно, что доля статей, посвященных СИ, в 2—4 раза превышала аналогичные показатели по федеральным СМИ (см. рис. на с. 82): Северо-Запад — площадка сотрудничества, региональные власти и некоммерческие организации выступают в качестве непосредственных участников СИ, ключевых лоббистов трансграничных контактов. В большинстве региональных изданий главный мотив сотрудничества — финансовая поддержка решения острых местных проблем зарубежными партнерами. Россия и ее регионы рассматривались не как полноценные субъекты сотрудничества, а скорее, как получатели помощи от европейских соседей. Такое видение не подразумевает стратегического подхода к СИ и осознания роли своего региона в субрегиональном сотрудничестве.

Несколько иной подход демонстрировали в первой половине 2000-х годов. СМИ Карелии («Карелия-Петрозаводск»), Санкт-Петербурга и Ленинградской области («Деловой Петербург»), Калининградской области («Калининградское независимое информационное агентство» и «АиФ в Калининграде»), опираясь на позицию местных властей, полемизировали о целях и задачах проекта. В Петербурге считали для города традиционной роль «окна в Европу», а с подачи региональной администрации видели себя российской «столицей «Северного измерения»»²⁵. В Калининградской области цели и задачи СИ вписывали в идею создания в регионе «лаборатории сотрудничества с ЕС».

Схожие идеи продвигались и в карельских СМИ, где в тот период во многом благодаря деятельности тогдашнего регионального министра по внешним связям В. А. Шлямина шла дискуссия о необходимости региональной трансграничной кооперации. Поскольку СИ было инициировано Финляндией, в Карелии надеялись на ее особое отношение и возможность сделать опыт сотрудничества с ней «модельным» для других регионов пограничья России и ЕС. Предполагавшееся в рамках первого плана действий развитие транспортной инфраструктуры давало основание рассчитывать на расширение транзитного потенциала республики, а также вовлечение в хозяйственный оборот новых месторождений полезных ископаемых. Наконец, став частью формирующегося «пояса добрососедства», Карелия могла бы,

²⁴ См. напр.: *Лес, верфи и технопарки* // Российская газета. 2009. № 99.

²⁵ Инициатива СИ в экспертных и научных кругах Петербурга вызвала большую полемику, которая, впрочем, не оказала заметного влияния на дискурс исследуемых изданий (см. подробнее [27—29]).

по мнению местных экспертов, получить дополнительную выгоду от совместного пространственного планирования, не отказываясь при этом от изменения существующего режима государственной границы²⁶.

Такую позицию, доминировавшую в региональном дискурсе, разделяли далеко не все местные эксперты. Как и в федеральной прессе, в некоторых статьях были выражены опасения возможных территориальных притязаний Финляндии²⁷, в других — недовольство недостатком практической направленности²⁸ программы и неравноправием партнеров²⁹.

После 2005 года в региональных изданиях аналитические статьи, посвященные СИ, больше не появлялись, и в дискурсе преобладали исключительно информационные сообщения в сугубо местном контексте. Программа упоминалась в статьях о региональных экологических проблемах или реконструкции городских водопроводов. Основное внимание фокусировалось на программах приграничного сотрудничества, которые в отличие от СИ получили надежные инструменты финансирования и оказались наполнены конкретными проектами.

Заключение

Влияние дискурса на политические решения отмечено во многих работах по критической геополитике. Трансграничные регионы, созданные «сверху» на Северо-Западе Европы с участием России, оказались устойчивыми к геополитическим кризисам и существуют уже почти 30 лет. Благодаря различным международным программам сформировались партнерские сети, между которыми налажено взаимовыгодное сотрудничество: таким образом, возникшие в результате политических решений трансграничные регионы постепенно становятся «функциональными». Вместе с тем опыт СИ показывает, что границы таких регионов подвижны, расплывчаты и зависят от общего политического климата и степени заинтересованности стран-членов в деятельности региональной организации.

Определить влияние дискурса на политические решения в программе СИ в первые годы ее деятельности было нелегко ввиду его многомерного характера: не всегда ясно, какой именно, чей дискурс доминирует. К настоящему времени СИ почти полностью исчезло из поля зрения федеральных СМИ, занятого дебатами по гораздо более крупным проблемам: «сдвигом на восток», отношениям между Россией и ЕС, Россией и коллективным Западом.

В дискурсе о СИ отражена сложная функциональная и институциональная природа программы. Она всегда составляла часть сложного комплекса отношений между Россией и ЕС, поэтому дискурсы о СИ и отношениях с ЕС имеют много общего: это и их эволюция от «романтизма» к прагматизму, от идеи ассоциации к секторальному сотрудничеству, от мотивов европеизации к суверенизации и «развороту на Восток».

²⁶ См., напр. *Шлямин В.* Окно в Европу через Карелию // Петрозаводск. 1999. № 39; *Шлямин В.* К концепции социального экономического развития Республики Карелия на 1998—2001 гг. // Петрозаводск. 1998. № 48; *Гнетнев К.В.* Пространственной мышление. Приграничное сотрудничество: политический аспект // Петрозаводск. 2001. № 11.

²⁷ *Фарутин А.* Чему нас учит горький опыт... // Петрозаводск. 2003. № 4; *Фарутин А.* Границы нерушимы. Кому не дает покоя карельский вопрос // Петрозаводск. 2003. № 10; *Бэкман Й.* Резоны создания «буферной зоны» // Петрозаводск. 2003. № 79; *Фарутин А.* Опыт партнерства в трех степенях. Что же мы будем делить с финнами — «общий пирог» ресурсов или шкуру неубитого медведя? // Петрозаводск. 2003. № 11.

²⁸ *Мосунов А.* Еврорегион «Карелия»: вопросы остаются. Петрозаводск. 1999. № 69.

²⁹ *Савахи для Северо-Запада* // Петрозаводск. 2001. № 67.

В то же время СИ весь период своего существования представляло «альтернативным каналом связи» с ЕС, использование которого должно было привести к прорыву в отношениях и создать необходимую основу для полномасштабного сотрудничества. Такое восприятие СИ приводило к завышенным ожиданиям от проекта и разочарованию его скромными результатами. Несоответствие между ожиданиями, формируемыми дискурсом, и результатами сотрудничества можно считать одной из причин сложившегося представления о том, что проект находится в состоянии кризиса.

Однако если кризис формата и есть, то он тоже во многом имеет дискурсивную природу. С 2006 года СИ официально стало региональным воплощением четырех «общих пространств». Такой подход хотя бы отчасти объяснял, чем взаимодействие в рамках партнерств СИ отличается от сотрудничества в четырех региональных советах, в чем состоит основа объединения партнерств между собой. Ныне национальные институты, формулирующие основы политики СИ, задавая ориентиры для других уровней, заняты общими вопросами отношений между Россией и ЕС, обеспечением безопасности, энергетикой и т.п. Однако именно контакты на региональном и местном уровнях, между отдельными участниками сотрудничества играют ключевую роль в укреплении разных форм доверия между сторонами — основанного на рациональном выборе, социально-культурной общности и личных отношениях [27]. Доверие, в свою очередь, — главное условие устойчивости сотрудничества.

Кризис во взаимодействии между Россией и ЕС не только похоронил идею строительства четырех общих пространств, но и заморозил сотрудничество в высших управляющих органах СИ. В результате национальные и наднациональные акторы страдают от стратегической неопределенности, а программа превращается в набор слабо связанных между собой институтов.

Это, впрочем, не означает, что СИ не имеет будущего. Оно зависит от общих перспектив отношений между Россией и ЕС. Нынешняя ценность СИ определяется тем, что оно вместе с другими региональными форматами сотрудничества создает «страховочную сеть», которая, с одной стороны, не дает упасть межгосударственным отношениям ниже критического уровня, а с другой — служит площадкой неформального диалога и позволяет сохранить позитивный потенциал взаимодействия, который может стать опорой для восстановления политических отношений в будущем.

Исследование выполнено в Институте географии в рамках работы над ГЗ ИГ РАН (0148-2019-0008, АААА-А19-119022190170-1). Теоретический раздел подготовлен в рамках работы над Программой Президиума РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России» (подпрограмма «Пространственная реструктуризация России с учетом геополитических, социально-экономических и геоэкологических вызовов», проект «Внешние факторы в развитии регионов и крупных городов России. Межгосударственная интеграция на евроазиатском пространстве»). Полевой этап исследования, включая интервью, а также сбор и обработка материалов проводились на средства проекта Kone Foundation «Northern Dimensions of European Union Actorness. — The case of Finland and Russia»

Список литературы

1. Федоров Г. М., Корнеевец В. С. Трансграничные регионы в иерархической системе регионов: системный подход // Балтийский регион. 2009. № 2. С. 32—41.
2. Федоров Г. М., Корнеевец В. С. Трансграничная регионализация в условиях глобализации // Балтийский регион. 2010. № 4. С. 103—114.
3. Bialasiewicz L. The uncertain state(s) of Europe? // European Urban and Regional Studies. 2008. Vol. 15. P. 71—82.

4. Newman D. The lines that continue to separate us: borders in our 'borderless' world // Progress in Human Geography. 2006. Vol. 30. P. 143—161.
5. Scott J. (ed.). EU enlargement, region-building and shifting borders of inclusion and exclusion. Aldershot, 2006.
6. Кондратьева Н. Б. Россия — ЕС: трансграничное сотрудничество вне конъюнктуры // Современная Европа. 2014. № 4. С. 33—47.
7. Бусыгина И. М., Филиппов М. Г. «Северное измерение»: стратегии участников // Балтийский регион. 2009. № 1. С. 55—63.
8. Van Hamme J., Grasland C. Divisions of the world according to flows and networks // Archive ouverte en Sciences de l'Homme et de la Société. 2011. URL: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00654535> (дата обращения: 29.08.2019).
9. Fawcett L. Regionalism from an Historical Perspective // The Global Politics of Regionalism. L., 2005. P. 21—37.
10. Scott J. W. Bordering and Ordering the European Neighbourhood: A Critical Perspective on EU Territoriality and Geopolitics // TRAMES. 2009. Vol. 63. P. 1—16.
11. O'Tuathail G., Agnew J. Geopolitics and Discourse. Practical geopolitical reasoning in American foreign policy // Political Geography. 1992. Vol. 11. P. 190—204.
12. O'Tuathail G. Theorizing Practical Geopolitical Reasoning: The Case of U. S. Bosnia Policy in 1992 // Political Geography. 2002. Vol. 21, № 5. P. 601—628.
13. Dalby S., O'Tuathail G. Rethinking Geopolitics. L., 1998.
14. Медведев С. Дискурсы отчуждения: «суверенитет» и «европеизация» в отношениях России и ЕС // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 10. С. 23—33.
15. Макарычев А. С. Россия и Евросоюз: дискурсивные диссонансы // Космополис. 2007. № 2. С. 132—148.
16. Müller M. Reconsidering the concept of discourse for the field of critical geopolitics: Towards discourse as language and practice // Political Geography. 2008. Vol. 27. P. 322—338.
17. Колосов В. А. Критическая геополитика: основы концепции и опыт ее применения в России // Политическая наука. 2011. № 4. С. 31—52.
18. Деркач М. А. Программа «Северное измерение» и интересы России // Политические исследования. 2002. № 1. С. 170—175.
19. Шлямин В. А. Россия в «Северном измерении». Петрозаводск, 2002.
20. Энтин М. «Северное измерение» в контексте отношений РФ-ЕС // Вся Европа. 2006. № 4. URL: <http://www.alleurpa.mgimo.ru/severnoe-izmerenie-v-kontekste-otnosheniy-rf-es> (дата обращения: 11.07.2019).
21. Aalto P., Blakkisrud H., Smith H., eds. The New Northern Dimension of the European Neighbourhood. Brussels, 2008.
22. Александров О. Б. «Северное измерение»: новая форма или новое содержание? // Космополис. 2008. № 2(21). С. 95—104.
23. «Северное измерение»: роль и место России // Россия в новом веке: внешнеполитическое измерение : сб. матер. заседаний Экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам. М., 2006. С. 300—318.
24. Болотникова Е. Г., Межевич Н. М. «Северное измерение» и стратегия Европейского союза для региона Балтийского моря // Псковский регионологический журнал. 2012. № 13. С. 37—47.
25. Косов Ю. В., Грибанова Г. И. Стратегия ЕС для региона Балтийского моря: проблемы и перспективы международного сотрудничества // Балтийский регион. 2016. №2. С. 48—66.
26. Болотникова Е. Г., Межевич Н. М. Политика «Северного измерения»: современное состояние и перспективы России // Балтийский регион. 2010. № 46. С. 115—126.
27. Ланко Д. А. Становление региона «Северного измерения» как приоритета внешней политики центров силы в Балтийском регионе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2010. Вып. 4. С. 107—110.
28. Ткачев Г., Чуров В. «Северное измерение» в контексте общего развития Европы: взгляд из Петербурга. СПб., 2001. URL: http://www.leontief.ru/rnsc/eng/programs/ndim_doc1_1.htm (дата обращения: 03.02.2010).
29. Чуров В. Е. Северное и южное измерение: от соперничества к сотрудничеству. СПб., 2001. URL: <http://www.journal.leontief.net/rus/churov.html> (дата обращения: 03.02.2010).
30. Koch K. The Spatiality of Trust in EU External Cross-Border Cooperation // European Planning Studies. 2017. Vol. 26, № 3. P. 591—610.

Об авторах

Владимир Александрович Колосов, доктор географических наук, профессор, заместитель директора, Институт географии РАН, Россия; профессор-исследователь, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: vladimirkolosov@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2817-9463>

Александр Борисович Себенцов, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт географии РАН, Россия.

E-mail: asebentsov@igras.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9665-5666>

REGIONALISATION IN NORTHERN EUROPE AND THE NORTHERN DIMENSION IN RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE

V.A. Kolosov ^{a, b}

A.B. Sebentsov ^a

---

^a Institute of Geography Russian Academy of Sciences,
29, Staromonetny Per., Moscow, Russia, 119017

^b Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevski St., Kaliningrad, Russia, 236016

Received 30 August 2019.

doi: 10.5922/2079-8555-2019-4-5

© Kolosov V. A., Sebentsov A. B., 2019

The progress and sustainability of international cross-border region formation is a major concern for Russia, a country bordering sixteen states. In the early 2000s, the development of regions with Russian participation was at its height in northwestern Europe. Cross-border regions arise both naturally, stemming from various functional relations, and as a result of political decisions. In the latter case, political discourse is an important factor in successful region-building. The Northern Dimension (ND) programme, which was launched in 1997, embodied the principle of depoliticised cooperation — Europe's 'new regionalism'. This article aims to evaluate the role of the ND in the federal and regional political discourse of 1997–2016, to determine its place among other cross-border cooperation projects, and to follow changes in the understanding of its goals. The study relies on data from the Integrum agency, which has built up the most comprehensive digital archive of federal and regional printed and online media. The federal discourse on the ND reflected the whole set of relations between Russia and the EU. The idea about the crisis of the programme came from the discrepancy between the expectations aroused by political discourse and the actual results of cooperation. The study shows the ND-related discourse changed over the study period and stresses profound differences between federal and regional discourses.

Keywords:

supranational regions, Russia, EU, Northern Dimension, political discourse

---

To cite this article: Kolosov, V. A., Sebentsov, A. B. 2019, Regionalisation in Northern Europe and the Northern Dimension in Russian political discourse, *Balt. Reg.*, Vol. 11, no 4, p. 76–92. doi: 10.5922/2078-8555-2019-4-5.

References

1. Fedorov, G.M., Korneevets, V.S. 2009, Trans-Border Regions in the System of the Regional Hierarchy: the Systemic Approach, *Balt. Reg.*, no 2, p. 26—33. Doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2009-2-3>.
2. Fedorov, G.M., Korneevets, V.S. 2010, Transborder regionalisation in the conditions of globalisation, *Balt. Reg.*, no 2, p. 92—102. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2010-4-10>.
3. Bialasiewicz, L. 2008, The uncertain state(s) of Europe? *European Urban and Regional Studies*, Vol. 15, p. 71—82. Doi: <https://doi.org/10.1177/0969776407081279>.
4. Newman, D., 2006, The lines that continue to separate us: borders in our ‘borderless’ world, *Progress in Human Geography*. Vol. 30, p. 143—161.
5. Scott, J. (ed.) 2006, *EU enlargement, region-building and shifting borders of inclusion and exclusion*, Aldershot, Ashgate.
6. Kondrateva, N.B. 2014, Russia-EU: cross-border cooperation outside the conjuncture, *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], no 4, p. 33—47. Doi: <https://doi.org/10.15211/soveurope420143347> (in Russ.).
7. Busygina, I.M., Filippov, M.G., 2009, Northern Dimension: Participant Strategies, *Balt. Reg.*, no 1, p. 47—53. Doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2009-1-5>.
8. Van Hamme, J., Grasland, C. 2011, Divisions of the world according to flows and networks, *Archive ouverte en Sciences de l’Homme et de la Société*, available at: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00654535> (accessed 29.08.2019).
9. Fawcett, L. 2005, Regionalism from an Historical Perspective, *The Global Politics of Regionalism*, London, Pluto Press, p. 21—37.
10. Scott, J.W. 2009, Bordering and Ordering the European Neighbourhood: A Critical Perspective on EU Territoriality and Geopolitics, *TRAMES*, Vol. 63, p. 1—16.
11. O’Tuathail, G., Agnew, J. 1992, Geopolitics and Discourse. Practical geopolitical reasoning in American foreign policy, *Political Geography*, Vol. 11, p. 190—204.
12. O’Tuathail, G., 2002, Theorizing Practical Geopolitical Reasoning: The Case of U.S. Bosnia Policy in 1992, *Political Geography*, Vol. 21, no. 5, p. 601—628.
13. Dalby, S., O’Tuathail, G. 1998, *Rethinking Geopolitics*, London, Routledge, 333 p.
14. Medvedev, S. 2008, Discourses of alienation: “sovereignty” and “europeanization” in Russia-EU relations, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], no. 10, p. 23—33 (in Russ.).
15. Makarychev, A.S. 2007, Russia and the European Union: discursive dissonances, *Kosmopolis*, no. 2, p. 132—148 (in Russ.).
16. Müller, M. 2008, Reconsidering the concept of discourse for the field of critical geopolitics: Towards discourse as language and practice, *Political Geography*, no. 27, p. 322—338.
17. Kolosov, V.A. 2011, Critical geopolitics: fundamentals of the concept and experience of its application in Russia, *Politicheskaya nauka* [Political Science], no 4, p. 31—52 (in Russ.).
18. Derkach, M.A. 2002, The Northern dimension programme and Russian interests, *Politicheskie issledovaniya* [Political Studies], no 1, p. 170—175 (in Russ.).
19. Shlyamin, V.A. 2002, *Rossiya v “Severnom izmerenii”* [Russia in “Northern Dimension”], Petrozavodsk, Izdatel’stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta (in Russ.).
20. Entin, M. 2006, “Northern dimension” in the context of Russia-EU relations, *Vsya Evropa* [All Europe], no. 4 (in Russ.).
21. Aalto, P., Blakkisrud, H., Smith, H. (eds.) 2008, *The New Northern Dimension of the European Neighbourhood*, Brussels, Centre for European Policy Studies, 237 p.
22. Alexandrov, O.B. 2008, “Northern dimension”: a new form or a new content? *Kosmopolis*, no. 2, p. 95—104 (in Russ.).
23. The Northern dimension: Russian role and place, 2006, *Rossiya v novom veke: vneshnepoliticheskoe izmerenie. Sbornik materialov zasedanii Ekspertnogo soveta Komiteta Soveta Federatsii po mezhdunarodnym delam* [Russia in the new century: the foreign policy dimension. Proceedings of meetings of the Expert Council of the Federation Council Committee on International Affairs], Moscow, p. 300—318 (in Russ.).

24. Bolotnikova, E.G., Mezhevich, N.M. 2012, The Northern Dimension and the European Union Strategy for the Baltic Sea Region, *Pskovskii regionologicheskii zhurnal* [Pskov regionological journal], no. 13, p. 37—47 (in Russ.).

25. Kosov, Yu.V., Gribanova, G.I. 2016, EU Strategy for the Baltic Sea Region: Challenges and Perspectives of International Cooperation, *BALT. REG.*, no. 2, p. 33—44. Doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2016-2-3>.

26. Bolotnikova, E.G., Mezhevich, N.M. 2010, The Northern Dimension policy: current state and development prospects, *Balt. Reg.*, no. 4, p. 103—113. Doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2010-4-11>.

27. Lanko, D.A. 2010, Formation of the “Northern dimension” region as a priority of the foreign policy of the centers of power in the Baltic region, *Vestnik SPbGU. Seriya 6: Politologiya, Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of St. Petersburg State University. Series 6: Political Science, International Relations.], no. 4, p. 107—110 (in Russ.).

28. Tkachev, G., Churov, V. 2001, Northern Dimension in the context of common development of Europe: view from Saint-Petersburg, *Leont'evskii tsentr* [Leontief Center], available at: http://www.leontief.ru/rnsc/eng/programs/ndim_doc1_1.htm (accessed 03.02.2010) (in Russ.).

29. Churov, V. 2001, Southern and Northern Dimensions: from competition to cooperation], *Leont'evskii tsentr* [Leontief Center], available at: <http://www.journal.leontief.net/rus/churov.html> (accessed 03.02.2010) (in Russ.).

30. Koch, K. 2017, The Spatiality of Trust in EU External Cross-Border Cooperation, *European Planning Studies*, Vol. 26, no. 3, p. 591—610.

The authors

Prof Vladimir A. Kolosov, Deputy Director, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia; Research Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: vladimirkolossov@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2817-9463>

Dr Alexander B. Sebentsov, Research Fellow, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: asebentsov@igras.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9665-5666>
